

500

„ДРАМАТУРГИЯ ЧЕХОВА“

Харьковский театр Русской драмы издал хорошую и нужную книгу. Она распадается на две части. В первой **С. Болухатый** дает подробный анализ драматургии Чехова, во второй—руководитель театра **Н. В. Петров** излагает те принципы, на которых он строит спектакль „Вишневого сада“.

С. Д. Болухатый известен в театроведческих кругах, как очень внимательный и долголетний исследователь драматургии Чехова и Горького, подчас, по неизданным материалам. Его очерк в харьковской книге во многом использует его прежние работы: „Проблемы драматического анализа. Чехов“ (1927 г.) и „От трех сестер“ к „Вишневому саду“ в сборнике „Литература“ (1931 г.). Жаль, что сам автор об этом не упоминает в своем очерке, лишая себя возможности делать ссылки на более исчерпывающий анализ некоторых деталей в своих ранних работах. Зато он полностью вознаграждает читателя опубликованием очень важных неизданных материалов из архива моск. Худож. театра, касающихся постановки в этом театре „Вишневого сада“. Ряд писем и телеграмм **К. С. Станиславского** и **В. И. Немировича-Данченко** к Чехову теперь впервые входят в научно-театроведческую разработку. Этой частью своей работы **Б. Болухатый** оказывает огромную услугу всем будущим исследователям взаимоотношений Чехова с Художественным театром.

Мы лишены возможности в этой краткой аннотации входить в подробное рассмотрение установок автора при его работе над Чеховым. Отметим лишь, что в основном он прав, рассматривая драматургию Чехова в зависимости от борьбы общественных и социальных сил в стране, хотя подчас его формулировки грешат **прямолинейным упрощением**. Нельзя, например, некоторые особенности стилистики Чехова в „Вишневом саду“ объяснять только тем, что „классовая позиция Чехова, как представителя буржуазно-демократических групп, которые занимали промежуточное положение между дворянством, крупной буржуазией и революционным пролетариатом, не позволила ему выступать в пьесе с радикальных политических позиций, с предельно ясной идейной оценкой современности“.

Это правильно и... неправильно, так как **Чехов**—не **Горький** и никогда бы не мог быть „предельно ясным“ хотя бы в обрисовке студента Трофимова в „Вишневом саду“, в котором не показано, по словам автора, „подлинной революционной силы“. Но Чехов и не хотел делать из этого „интеллигента“ подлинную революционную фигуру, вопреки мнению на этот счет автора очерка. Знаменитые „калоши“ Трофимова—не случайный штрих в пьесе—Чехов никогда бы не пошел на комическое снижение образа только ради смеха, если бы и для него Трофимов не был бы „недотепой“ в какой-то существенной части его образа.

Такой же схематикой и плохо использованной полнотой является и утверждение Болухатого о том, что успех водевилей Чехова объясняется потребностью эпохи „бездвременья“ в „развлекательной литературе“. Однако эти „развлекательные“ водевили дожили до наших дней, и их успех в театре Мейерхольда свидетельствует, что они нужны и нашей эпохе. И это утверждение особенно странно в устах того, кто этим водевилям когда-то

посвятил очень интересный и большой этюд в сборниках „Поэтика“.

Указанные ошибки все же не снижают ценности всего очерка в целом, особенно в той его части где автор оперирует неизданным материалом.

Вот отрывок из письма **К. Станиславского** к **А. Чехову** по поводу „Вишневого сада“:

„Она до такой степени цельна, что из нее нельзя вычеркнуть слова. Может быть, я пристрастен, но я не нахожу никаких недостатков в пьесе. Есть один: она требует слишком больших и тонких актеров, чтобы обнаружить все ее красоты. Мы не сможем этого сделать“...

А вот телеграмма **В. И. Немировича-Данченко**, очень характерная для тогдашнего восприятия моск. Худож. театром Чехова и его последней пьесы: „Сейчас прочел пьесу труппе, впечатление громадное, сильнейший трепет и мысли и чувства, возбужденное большое и великодушное, общий голос, что творчество ширится и крепнет, подробно напишу“.

Переходя к режиссерской экспозиции **Н. В. Петрова**, надо указать прежде всего на то, что его ревизия „Вишневого сада“ идет по той же линии, по которой пошла работа над этой пьесой в театре **Симонов**: „не драма, а комедия, местами даже фарс“—вот выдержка из письма Чехова, которую **Петров**, вслед за **Симоновым**, кладет в основу своей постановки „Вишневого сада“. Надо ли доказывать теперь, после **симоновского** спектакля, что это не верно и что нельзя в этом пересмотре спектакля моск. Худ. театра идти полностью вслед за Чеховым, который сам неоднократно признавался в том, что не умеет объективно относиться к своим пьесам? Конфликт Чехова с Худож. театром из-за „Вишневого сада“ теперь освещен во всех своих стадиях, и надо наконец признать, что в основном все же остается прав не автор, а театр. В истории мирового и русского театра мы знаем много случаев, когда авторы оказались неправыми в своих толкованиях написанных ими пьес,—разве великий **Щепкин** не отказался увидеть „Ревизора“ глазами Гоголя? И кто же не знает, что оказался правым не **Гоголь**, а он? Мы не знаем, чем кончился опыт харьковского театра Русской драмы, но заранее можно сказать, что без насилия над текстом Чехова превратить „Вишневый сад“ в комедию-фарс не удастся никому.

Во всем остальном статья **Петрова** очень интересна и продолжает работу, начатую им в книге „Режиссер читает пьесу“ (1934 г.)

В целом харьковское издание „Драматургии Чехова“ свидетельствует о том, что и на периферии разветвляется большая театроведческая работа вокруг классических спектаклей. Этим же театром издана не менее ценная книга „Ревизор на сцене“ **С. С. Данилова** (1933 г.), сейчас вышедшая уже вторым изданием. Книга, о которой почти ничего не писали, но которая оказалась необходимой для каждого постановщика, актера и зрителя, желающего изучить гоголевский шедевр в его полной сценической биографии.

М. 3.

180